

УДК 008:351.858 (8)

ПРЕЛОМЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

И. М. Куликова

*Кандидат филологических наук, доцент,
Сургутский государственный университет,
г. Сургут, Ханты-Мансийский автономный округ, Россия*

REFRACTION CULTURAL TRADITIONS MIDDLE EAST IN RUSSIAN POETIC PRACTICE

I. M. Kulikova

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
Surgut State University, Surgut,
Khanty-Mansi Autonomous District-Yugra, Russia*

Summary. The article shows the different of development of the cultural traditions of the Middle East in Russian poetry. The main attention is focused on how these traditions are refracted in the works of Vladimir Mayakovsky. The author treats the original imagery of the poet as a result of the imposition Eastern and Russian cultural traditions.

Keywords: orientalism; the avant-garde; exoticism; East; Quran; theomachism; Sufism; a metaphor.

Русская литературная традиция накопила значительный опыт взаимоотношений с культурными традициями Востока, прежде всего с культурой Ближнего Востока. Понимание восточного опыта и его преломление в художественной практике шло разными путями. В первую очередь, это было внешнее освоение экзотической для русского взгляда действительности. Именно такой подход Э. Сайд считал ключевой характеристикой восприятия восточной культуры представителями западной цивилизации, а именно: описание восточного быта и природы как экзотических, использование текстов, мотивов, сюжетов и стилистических приёмов восточной культуры в качестве источника образности, переосмысливая их в соответствии с собственным мировоззрением и собственными литературными традициями.

Ориентализм весьма заметен в русской романтической литературе XIX и особенно XX вв. Для многих поэтов XIX века своего рода образцом в этом отношении служил «Западно-восточный диван» И. Гёте. Через обращение к общечеловеческой ценности, активно воспеваемой романтиками, – любви и через описание внутреннего мира человека, что тоже было очень важно для романтизма, Гёте сумел показать мир восточной культуры в её неповторимо-

сти, переменчивости и непонятности для западного человека, извечное противоречие двух культур, основанное на различном видении мира.

Но творения русских мастеров слова отличались присутствием «живого начала», непосредственного «ощущения Востока», которое было характерно им в силу того, что они близко наблюдали и неплохо знали быт, религию и культуру мусульманских народов. И потому их стихи наполнены личностным отношением к описываемому, ярким лирическим чувством. Наиболее показательно в этом отношении творчество М. Лермонтова, который сосредоточил внимание не только на экзотической природе Кавказа, но и на необычных характерах, вольнолюбивых, сильных, независимых: «Приветствую тебя, Кавказ седой! Твоим горам я путник не чужой. Они меня в младенчестве носили... Прекрасен ты, суровый край свободы... Как я любил, Кавказ мой величавый, Твоих сынов воинственные нравы...» («Измаил-бей»). Этот подход мы найдём во многих поэмах, стихах и прозе Лермонтова.

Пушкинский опыт понимания Востока был более глубоким. Так, идея и содержание стихотворения Пушкина «Пророк» соотносятся некоторыми исследователями (с нашей точки зрения, вполне справедливо) с одной из

слышанных поэтом на Кавказе легенд о Мухаммеде. Этот миф связан с детством пророка, когда ангелы рассекают ему грудь, выбрасывают чёрный ступок из сердца («от дьявола»), после чего не остаётся никаких следов, кроме внутреннего ощущения неких изменений. У Пушкина читаем: «И он мне грудь рассёк мечом И сердце трепетное вынул...Иди, пророк! И виждь, и внемли, Исполнись волею моей...». Явное доминирование русской литературной традиции в раскрытии темы поэта и поэзии затеняет восточную легенду, и зачастую стихотворение не связывается с влиянием восточной культуры.

Уникальным явлением в мировой поэзии можно считать созданный А. Пушкиным цикл стихов «Подражания Корану». Изучая источники знаний о главной книге мусульман для поэта, К. Капталева [4] показала, как, пользуясь весьма несовершенными переводами, поэт сумел передать средствами русского стихосложения многие художественные приёмы священного текста. Исследователи сопоставляли строки из коранических сур с их переложением у Пушкина. Например: «Милосердный. – / Он научил Корану, / сотворил человека, / научил его изъясняться. Солнце и луна – по сроку...» [55, с. 1–4,5] и «Он милосерд: он Магомету / Открыл сияющий Коран, / Да притечём и мы ко свету, / И да падёт с очей туман» (V подражание). Конечно, превалирование русской литературной традиции здесь тоже налицо, однако Пушкин, восхищённый «смелой поэзией» Корана, сумел передать современными ему средствами ритмический строй текста, особенности его рифмованной прозы, его образность, но главное – его высокий стиль, внутреннее возвышенное настроение.

Склонность к эстетизму, свойственная русскому модернизму XX в. в целом, нашла выражение в числе прочего и в ориентальных мотивах, в использовании аллюзий, реминисценций, ассоциаций, связанных с восточными культурами. Ориентализм такого уровня проявляется в декоративности, изысканности поэтических образов Н. Гумилёва, в стремлении В. Брюсова поразить экзотичностью читающую

публику, в поэзии и семантических доминантах в рассказах И. Бунина (принадлежащего к реалистическому направлению). Много обращался к традициям Востока символизм, ставший одной из попыток создания синтетического учения о жизни средствами искусства. Культурно-философское осмысление проблемы исторических судеб России, связанной с Востоком и Западом, характерно для В. Брюсова, А. Блока («На поле Куликовом», «Скифы»), и других символистов. Наиболее последовательное выражение эта направленность нашла, пожалуй, в творчестве А. Белого (его трилогия «Восток или Запад»: «...человеческое стремление ...и есть Восток в Западе или Запад в Востоке»).

Творчество В. Маяковского в этом контексте выделяется особо, оно представляет собой уникальный синтез традиций русской и ближневосточной культур в их реальном воплощении. Берёмся предположить, что неповторимость его поэтического языка связана со своеобразно трансформированными культурными традициями Востока. Рассмотрим это положение более подробно.

Подчеркнём, что собственно ориентальной лирики у поэта нет. Влияние ближневосточной культурной традиции, с нашей точки зрения, было более тонким и не внешним (как у И. Бунина, А. Блока, В. Хлебникова, Н. Гумилёва, других поэтов 20–30-х годов), а «внутренним», возможно, неосознанным и как бы растворённым в других, более сильных и поздних влияниях. Точнее, восточное влияние как бы преодолевается в его поэзии воздействием традиций русской, европейской и христианской культуры, а потому не вычленяется с первого взгляда.

Детство и отрочество Маяковского были связаны с Грузией, Кавказом, следовательно, можно с известной долей уверенности утверждать, что грузинская, ирано-персидская, азербайджанская культуры не могли не оказать – в той или иной степени – влияния на формирование его идейных и эстетических взглядов. Принадлежащая к христианскому миру Грузия находилась в близком соседстве с исламским миром. В Грузии хорошо были известны

классики персидской, узбекской, азербайджанской литературы. Явные следы ближневосточного (арабо-персидского) культурного влияния носит «настоящая книга» грузин – знаменитая поэма Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре». В этом произведении исследователи отмечают «встречу» восточной и западной (традиции античной, библейской, рыцарской) культур. В силу этих и других причин Маяковский не мог избежать культурного влияния Востока на своё творчество, на свою художественную систему и, хотя бы отчасти, – на своё мировоззрение. В первую очередь это касается поэзии раннего Маяковского.

И здесь, прежде всего, следует отметить «гипербунтарство» поэта. В формировании этой особенности грандиозную роль сыграла сама современность, насыщенная революционными потрясениями. Своё влияние оказали традиции русской культуры и авангардные течения в литературе этого периода, среди которых выделялся футуризм. Идея переделки мира – один из центральных мотивов русского авангардизма. Эта идея строилась на идеале человека как преобразователя всего сущего, покорителя времени и пространства, Вселенной. Не отрицая значения вышеназванного, всё же рискнём утверждать, что не последнюю роль в становлении бунтарского умонстроения Маяковского, его богоборческих мотивов, богохульства и нигилизма сыграла классическая иранская литература, пропитанная восточными ересями (суфизм, хуруфизм, ранний исмаилизм и др.), ставшими на средневековом Востоке формой проявления свободомыслия. Откровенное богохульство Хайяма, нигилизм Хафиза, утверждаемая деятелями суфизма (среди которых были и поэты-классики) теза «Я есть бог», за что они нередко принимали мученическую смерть, – всё это «подпитывало» изнутри и увеличивало, усиливало до гиперболических размеров «революционность» Маяковского, его стремление заново («до последней пуговицы в жилете») переделать мир.

Исследователи обратили внимание на то, что в поэзии Маяковского воплощена законченная система представлений о мире и человеке во Вселенной

[1, с. 31–33]. Для него человек – это «чудо-человек», «человек-бог», а образ Бога снижен им до смехотворного человеческого быта. Человек Маяковского соперничает с Богом – дряхлым стариком, обладающим громадным могуществом, особенно в сфере личных, интимных отношений. Но одновременно Бог, как «руководящая сила мира», уравнивается с Повелителем Всего – Жирным, главным врагом раннего Маяковского [5, с. 23]. Отсюда и возникал страстный призыв ниспровергнуть Бога.

Признавая в целом справедливость возведения этой особенности системы Маяковского к романтической традиции богоборчества в русской литературе и влиянию библейских мотивов на его творчество, считаем невозможным игнорирование в этом плане влияния традиций литературы Ближнего Востока. В классической ирано-персидской поэзии значительно раньше, чем в Европе, проявились богоборческие настроения. В первую очередь, это наследие О. Хайяма, в чьём творчестве одним из ведущих был мотив, связанный с обличением Неба (Бога) и несправедливого жизненного устройства, созданного им. Поэт издевается и иронизирует, бросая вызов Аллаху, и буквально богохульствует: «Добро и зло враждуют, мир в огне. А что же небо? Небо в стороне...»; «О небо! К подлецам щедро твоя рука... Такое небо – тьфу! – не стоит и плевка». В рубаях Хайяма содержится призыв к человеку отринуть все надежды на Бога и верить в свои силы: «Восстань! Пригоршню праха в лицо кинь небесам...». Нередок в его поэзии и мотив переделки вселенной: «Когда б я властен был над миром этим злым, Я б сокрушил его и заменил другим». Эти настроения часто повторялись и варьировались в творчестве поэта. Ему вторил Хафиз, уверенный, что «мир надо заново создать, Иначе это ад». Словно внимая этому призыву, лирический герой Маяковского находит в себе силы бросить вызов Небу, ограничивающему свободу и волю человека и навязывающему жестокие законы миру: «Эй вы! Небо! Снимите шляпу! Я иду!...»; «Я тебя, пропахшего ладаном, раскрою – отсюда до Аляски» («Облако в штанах»).

Впервые мотив «человека-бога», по утверждению исследователей [2; 3], возник в ближневосточной культуре в поэзии суфиев, в целом далеко стоявших, но частично связанных с еретическим вольнодумством и резко выступавших против социального и имущественного неравенства. В раннем суфизме мусульманская доктрина сочеталась с зороастрийским дуализмом, что свидетельствует о достаточно широких культурных ориентирах этого течения. Влияние его на культурную жизнь мусульманского Востока прослеживается вплоть до XX века. В литературе ярчайшим представителем суфизма был поэт и шейх Руми. Именно у него мы находим обожествление «совершенного человека» и гуманистическое поклонение человеческому сердцу как высшему дару: «Вы, взыскующие Бога, ...поиски оставьте ...Вы есть Он, Он есть вы».

Ещё более еретичным течением считается хуруфизм, идеи которого начинают преобладать на Кавказе в XIV в. В учении хуруфитов воскресает учение о тождестве человека и Бога, о превращении человека в Бога. Идея «человека-бога» по сути своей являлась бунтарской и в то же время гуманистической. Конечной целью хуруфитов было объявлено установление справедливого порядка. Родоначальником этого течения был «человек-бог» Насими – видный мыслитель и поэт, оказавший вместе с Руми сильнейшее воздействие на философию того времени. Человек у него – венец мироздания, равный богу. Имя Насими возникает в связи с образом лирического героя раннего Маяковского, когда герой предлагает свой талант «толпе»: «...Вам я душу вытащу, растопчу, чтоб большая. И окровавленную, дам, как знамя». Не связан ли этот образ с мученической гибелью Насими (с него заживо содрали кожу), поскольку в художественной системе Маяковского уместна ассоциация «содрванная кожа» – «обнажённая душа» (освобождение души от внешней «оболочки»). Вместе с тем, здесь возможно и влияние зороастризма (прямое, не опосредованное через суфизм), также оказавшего глубочайшее воздействие на культурную жизнь Востока.

Образ легендарного «кривогубого Заратустры», пророка, пожертвовавшего собой, чтобы вывести «толпу» на праведный путь, возникает в поэзии Маяковского, когда лирический герой предлагает себя «улице...безъязыкой».

Исследователи творчества Маяковского [5; 6] утверждают, что для поэта свойственно христианское понимание любви, что от любви земной Маяковский шёл к пониманию любви как основы человеческого существования («чтоб всей вселенной шла любовь»). Однако с нашей точки зрения здесь скорее прослеживается восточное влияние. То, что любовная линия приобретает всемирно-вселенский смысл, и то, что поэт обращается к каждому из «ближних» и «дальних», пробуждая в них ответную «Громаду-любовь» [6, с. 49], скорее свидетельствует именно о суфийском понимании любви. Точнее, речь идёт о влиянии суфийской литературной традиции на поэзию Маяковского. Именно Руми была создана универсальная концепция Любви, «религия Любви», «религия Сердца», традиции которой оказались довольно устойчивыми и были продолжены во всей последующей культуре Ближнего Востока. Суфизм стал в X–XI вв. своего рода «гимном божественной любви».

Для суфийской поэзии и философии было характерно двойственное понимание любви. Образы любовной лирики заключали в себе два плана: любовь реальную, земную, человеческую и любовь «небесную», к Богу, к Абсолюту. «Возлюбленная», «возлюбленный» у суфиев – это аллегория Бога, образ-символ. Конечная цель суфиев – слияние с Богом. Возможно, отсюда земная, плотская, чувственная любовь у Маяковского – чувство чистое, возвышенное, родственное небесному. Имя возлюбленной для поэта – слово, «величием равное богу».

В работе Е. Бертельса «Суфизм и суфийская литература» приводится отрывок из газели средневекового поэта Баба Кухи: «Питались мы тернием, / всё оросили кровью сердца... / Но никакого милосердия от милосердного [Бога] / так и не узнали...» [2, с. 291]. В «Облаке в штанах» Маяковского находим: «...миллионом кровинок / устелется след /

к дому моего отца [Бога]». Этот пример, как и метафора «Кровью сердца дорогу радую», становятся понятны лишь в контексте суфийской символики и имеют явные переключки с любовной поэзией средневекового Востока.

Количество образов-символов в суфийской поэзии было ограничено [2, с. 96], поскольку назначение образа у них – быть словесным знаком философско-религиозного понятия. Со временем этой символикой и образностью стали пользоваться все поэты, уже вне суфийского содержания, используя их как изобразительные средства, как литературный приём и форму. В результате возник своеобразный стиль, который И. Брагинский назвал «суфийствующим», то есть суфийским по форме [3, с. 40]. Такая практика определялась канонами и закреплялась традицией назира, когда восточные поэты стремились не столько создать новый сюжет или метафору, сколько своеобразнее использовать старые мотивы и образы. Тем самым система изобразительно-выразительных средств тиражировалась, распространялась и утверждалась в последующей литературе, оцениваясь исключительно позитивно.

Возьмёмся утверждать, что поэтические традиции Востока в значительной степени подпитывали образную систему Маяковского. Так, для восточной поэзии чрезвычайно характерен и повсеместно в ней встречаем образ лирического героя, сгорающего в пламени любовного чувства (идёт от суфийской символики). Потому любовь земная у Маяковского чувство, не только родственное небесному, но и связанное с огнём: «Стою, огнём обвит, на несгорающем костре немыслимой любви» («Человек»). Образов-метафор, связанных с огнём, у Маяковского множество, особенно в ранней поэзии: «Снова, влюблённый, выйду в игры, Огнём озаря бровей загиб»; «На сердце горящее лезут с лаской»; «Стоглавое зарево рвётся с пристани. Крик последний, – Ты хоть о том, что горю, в столетия выстони!» («Облако в штанах»). У Маяковского в «Облаке...» вся глава (первая) представляет собой реализацию метафоры «сгореть от любви».

Параллели с восточной образностью демонстрируют и следующие примеры. Образ красавицы в восточной поэзии – нередко образ жестокосердной возлюбленной, которая безжалостно терзает и ранит влюбленного в неё мужчину тучами стрел-ресниц или ресницами-кинжалами, ресницами-мечами. У Маяковского лирический герой, отвергнутый любимой им женщиной, говорит: «...больно... натыканы в глаза от дамских шляп булавки...» («Облако...»). Образ бездомной, бродячей собаки на Востоке – символ неразделённой, отвергнутой любви-страдания. Меджнун у Низами читает стихи, посвящённые Лейли, всюду сопровождающему его бродячему псу. Лирический герой Маяковского, отвергнутый Марией, сравнивает себя с собакой: «...сердце возьму, слезами окапав, нести, как собака, которая в конуру несёт перееханную поездом лапу («Облако...»).

Откровенная и часто грубоватая чувственность лирического героя Маяковского противопоставлена в его поэзии страданиям безответной любви, воспетой в узритской лирике. Узриты воспевают чистую, целомудренную любовь, которая даётся человеку по воле Аллаха и приносит лишь страдания. Лирический герой Маяковского также страдает от любви, посланной Богом в наказание: «Бог потирает ручки. Бог доволен» («Флейта-позвоночник»).

Безусловно, в приведённых примерах нет прямого, откровенного следования традиции. Это по-маяковски сделанное переосмысление традиций восточной образности (с наслоившимися сверху традициями русской поэзии). Поиски подобных параллелей и ассоциаций, растворённых в поэтической ткани произведений поэта, подвергшихся серьёзной трансформации и переосмыслению, в немалой степени помогут выявлению своеобразия стиля и оригинальности образности Маяковского.

Отмеченные примеры освоения русской поэзией культурных традиций Востока демонстрируют многообразие подходов к пониманию и проявлению ориентализма: от внешней экзотичности, через переосмысление текстов и использование стилистических приёмов восточной культуры в качестве

источника образности – к проникновению во внутренний мир восточной культуры до культурно-философского осмысления проблемы Востока в контексте самобытности русской культуры. Феномен Маяковского – конкретный пример органичного синтеза двух культурных традиций, на пересечении которых возник уникальный поэтический стиль.

Библиографический список

1. Альфонсов В. Н. «Нам слово нужно для жизни»: В поэтическом мире Маяковского. – Л. : Советский писатель, 1984. – 245 с.
2. Бертельс Е. Э. Суфизм и суфийская литература // Избранные труды. – М. : Наука: Восточная литература, 1965. – 527 с.
3. Брагинский И. Из истории таджикской и персидской литературы // Избранные труды. – М. : Наука, 1972. – 524 с.
4. Кашталева К. С. «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. – Л., 1930. – Т. 5. – С. 243–270.
5. Макарова И. Христианские мотивы в творчестве Маяковского // Русская литература. – 1993. – № 3. – С. 21–26.
6. Пьяных М. Богоборец с сердцем Христа // Свободная мысль. – 1993. – № 5. – С. 45–51.

Bibliograficheskiy spisok

1. Alfonsov V. N. «Nam slovo nuzhno dlya zhizni» : V poeticheskom mire Mayakovskogo. – L. : Sovetskiy pisatel, 1984. – 245 s.
2. Bertels E. E. Sufizm i sufiyskaya literatura // Izbrannyye trudy. – M. : Nauka: Vostochnaya literatura, 1965. – 527 s.
3. Braginskiy I. Iz istorii tadzhikskoy i persidskoy literatur // Izbrannyye trudy. – M. : Nauka, 1972. – 524 s.
4. Kashtaleva K. S. «Podrazhaniya Koranu» Pushkina i ih pervoistochnik // Zapiski Kollegii vostokovedov pri Aziatskom muzee Akademii nauk SSSR. – L., 1930. – T. 5. – S. 243–270.
5. Makarova I. Hristianskie motivy v tvorchestve Mayakovskogo // Russkaya literatura. – 1993. – № 3. – S. 21–26.
6. Pyanyih M. Bogoborets s serdtsem Hrista // Svobodnaya myisl. – 1993. – № 5. – S. 45–51.

© Куликова И. М., 2014.